

Рыжова Светлана Валентиновна

**ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ**

Специальность 23.00.02.

Политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Диссертация выполнена в Центре исследования межнациональных отношений
Института социологии РАН

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор
Дробижева Леокадия Михайловна

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук
Черныш Михаил Федорович

доктор социологических наук, профессор
Маликова Нанля Рамазановна

Ведущая организация

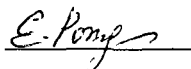
Российская академия государственной
службы при Президенте Российской
Федерации, кафедра национальных
и федеративных отношений

Защита состоится «24» декабря 2008 г. в «12» часов на заседании Диссертационного совета
Д.002.011.02 в Институте социологии РАН по адресу: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского,
д.24/35, к.5, ауд.323.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института социологии РАН

Автореферат разослан «19» ноября 2008 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат философских наук

Е.Ю. Рождественская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Социальная интеграция РФ в условиях гражданского общества невозможна без учета этнического и конфессионального факторов. Россия стоит перед проблемой нахождения модели интеграции, учитывающей интересы всех ее народов, поэтому поиски идентичности, способной консолидировать граждан страны, актуальны не только для политиков, они также становятся и важной задачей науки. В 2000 г. началось перераспределение баланса политических сил в стране в сторону федерального центра, что способствовало усилению общероссийской идентичности¹. При этом этнический фактор не исчезает из общественного российского дискурса и жизни людей. Не может исчезнуть и этническая идентичность, поддерживаемая не только существованием этнических категорий в российском пространстве, но и обострением социальных проблем. Россия сталкивается с новыми вызовами – притоком иноэтничных мигрантов в крупные города и конкуренцией за высокооплачиваемые рабочие места, высоким уровнем ксенофобий и негативной этнической солидарностью у части русского большинства, экстремистскими молодежными движениями, эксплуатирующими все вышеперечисленные проблемы. Этнонациональная идеология, призывающая к защите коллективных прав и интересов от лица той или иной этнической группы и апеллирующая к культурным или религиозным ценностям и мифам, процветает на интернет-форумах, на страницах печати, звучит с экранов телевизоров. Этнонациональная идеология обращена к этнической идентичности человека, но воспринять ее как руководство к действию, может лишь тот человек, для которого его этническая идентичность обладает качеством ценности, субъективной значимости², имеет личностный смысл³. Такая субъективно значимая, актуализированная этническая идентичность характеризуется тем, что человек солидаризируется с людьми своей национальности, испытывает потребность в принадлежности к своему народу, не забывает о своей национальной принадлежности.

С одной стороны, актуализированная этническая идентичность может быть опасна, так как, питая и производя этнонациональную идеологию, опосредованно может служить формированию этнического национализма и, как следствие, дезинтеграции РФ. С другой стороны, такая идентичность обладает мотивационным потенциалом этнокультурной солидарности, который может быть использован для национально-гражданской консолидации через формирование идентичности, объединяющей и солидаризирующей всех граждан РФ. На этапе современного развития многокультурного российского общества актуальным становится вопрос: всегда ли актуализированная, субъективно значимая этническая идентичность

¹ Дробжишева Л. М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // Общественные науки и современность 2005 № 2. С.16-28

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности М., 1995 С. 38

³ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность М., 1971. С. 78

сопровождается формированием этнической интолерантности, служит общественной дезинтеграции и, как следствие, препятствует формированию национально-гражданских идентичностей, являющихся основой политической нации?

Проблемная ситуация состоит в необходимости осмысления и преодоления противоречия между процессами формирования этнической и гражданской идентичности. Теоретически пока слабо проработаны и не прояснены связи между феноменом субъективной значимости этнической идентичности как психологической основы воспроизводства этнонациональной идеологии, с одной стороны, и процессами формирования или поддержания установок межэтнической толерантности и национально-гражданской идентичности, являющихся основой для общественно-политической интеграции. Эмпирически недостаточно исследованы социально-психологические причины трансформации этнической идентичности из толерантной формы в интолерантную.

Цель исследования – рассмотреть взаимосвязь процессов актуализации этнической идентичности и тенденций поддержания межэтнической толерантности в контексте формирования национально-гражданских идентичностей у русских и титульных национальностей в республиках.

Задачи исследования:

- проанализировать теоретические подходы к исследованию этнической идентичности и разработать теоретические основы для исследования феномена субъективно значимой этнической идентичности;
- выявить культурные маркеры, поддерживающие этнические границы в республиках;
- рассмотреть процессы актуализации этнической идентичности и поддержания межэтнической толерантности в республиках;
- раскрыть взаимосвязь актуализированной этнической идентичности с этнической солидарностью и показать динамику их формирования среди русских и титульных национальностей;
- проанализировать роль этнонационального дискурса и состояний социально-психологической дезадаптации в формировании и закреплении толерантных и интолерантных форм этнической идентичности;
- рассмотреть взаимосвязь актуализированной этнической идентичности и установок этнокультурного развития и гражданской идентичности среди русских и титульных национальностей; выявить основания единой для русских и титульных этнических групп республик общероссийской национально-гражданской идентичности.

Объектом исследования выступили этнические группы русских, татар и саха (якутов) в республиках Татарстан и Саха (Якутия) и активисты национальных движений Татарстана.

Предмет исследования – актуализированная этническая идентичность в процессах ее трансформации по шкале толерантность-интолерантность в межэтнических взаимодействиях. Хронологические рамки исследования 1990-2000-ые гг.

Гипотезы исследования

– актуализация этнической идентичности не всегда означает ее интолерантность, актуализированная этническая идентичность может порождать как толерантные, так и интолерантные установки межэтнического взаимодействия;

– препятствием для формирования гражданской политической нации является не актуализированная этническая идентичность как таковая, а ее интолерантное наполнение, ригидность, отсутствие механизмов реагирования на изменяющиеся социальные, культурные, политические условия, подверженность идеологическому манипулированию;

– в формировании интолерантной модели актуализированной этнической идентичности большое значение имеют факторы социально-психологической дезадаптации и влияние этнонационального дискурса, задающего направление формирования этнической идентичности по шкале толерантность-интолерантность;

– актуализированная этническая идентичность, развивающаяся в толерантном направлении, может участвовать в процессах формирования национально-гражданской идентичности и служить ресурсом для интеграции полиэтнической страны.

Научная разработанность проблемы

До 90-ых годов в отечественном научном дискурсе употреблялось понятие «этническое/ национальное самосознание», которому отводилась ведущая роль в ряду признаков принадлежности к этнической общности на основе разделяемых представлений об общей территории, языке, культуре, истории и государственности, а также этнических ценностей, интересов⁴. Содержание и функционирование этнического самосознания на групповом уровне рассматривалось в работах Ю.В.Арутюняна, Ю.В.Бромлея, М.Н.Губогло, Р.Ш.Джарылгасиновой, Л.М.Дробижевой, А.А.Кожанова, В.И.Козлова, М.В.Крюкова, П.И.Кушнера, В.В.Пименова, С.К.Рощина, С.А.Токарева, Н.Н.Чебоксарова, К.В.Чистова и др. Примордиалистское понимание этнического самосознания представлено в работах Ю.В. Бромлея, Ван ден Берге, К. Гиртца, Л.Н. Гумилева. В отечественном академическом поле ему противостоит информационная теория этничности, которая развивается в работах С.А. Арутюнова, А.А.Сусоколова, Н.Н. Чебоксарова. Вместе с включением в российский научный дискурс западных исследований теорий наций и национализма и пересмотром понятия «национализм», в научном лексиконе утверждается термин «этническая идентичность», что сопровождается изменением понимания объекта исследования и переходом от исследования этноса к исследованию

⁴ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 176-183; Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. Этносоциология. М., 1999

этнической группы, которая, в рамках конструктивистского и инструменталистского подхода определяется субъективным фактом самоотнесения на базе культуры. Понятие этническое самосознание более релевантно исторической исследовательской парадигме, а этническая идентичность – социологической и социально-психологической

Понятие идентичности стало широко использоваться в социальных науках для анализа взаимосвязи общественных трансформаций и стратегий поддержания «самотождественности» благодаря работам Э.Эриксона⁵, который также ввел понятие кризиса идентичности, возникающего в условиях глубоких общественных трансформаций⁶. В его работах подчеркивается динамический аспект идентичности, ее включенность в социальные и культурные аспекты, взаимосвязь с культурными ценностями и идеологией⁷. Согласно Дж. Г.Миду⁸, идентичность приобретается и формируется во взаимодействии с другими, поэтому плодотворным оказалось введение в практику исследования этнической идентичности понятий и категорий, разработанных в русле социальной психологии. Исследовательская группа под руководством В.А. Ядова (Т.С.Баранова, Е. Н.Данилова, О.Н.Дудченко, С.Г.Климова, А.В.Мытиль, О.А.Оберемко⁹ и др.) рассматривают социальную, в том числе этническую категоризацию сквозь призму анализа стратегий построения «мы-они» идентичностей. Наиболее полное развитие анализ социальной идентичности получил в работах социальных психологов Г. Тэжфела и Дж. Тернера в контексте изучения процессов межгрупповых отношений и межгруппового сравнения¹⁰. К этому же направлению можно отнести исследования социального антрополога Ф.Барта¹¹, который показал, что именно усилия групп по поддержанию этнических границ способствуют тому, что те культурные различия, которые воспринимаются как значимые, закрепляются в качестве критериев этнической дифференциации. Подход, предложенный Ф.Бартом, является основным принципом исследования этнической идентичности и культурных границ в конструктивистской парадигме (Б.Андерсон, В.М.Воронков, Э.Геллнер, В.С.Малахов, В.А.Тишков, С.В.Соколовский, Э.Хобсбаум¹²). Конструктивистских позиций придерживается С.Бенхабиб¹³, рассматривая этническую идентичность как синоним культуры и

⁵ Erikson E. H. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things Selected Papers / Ed by Schlein New York, 1995.

⁶ Erikson E. H. The problem of ego-identity // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1956. N 4.; Erikson E. H. Childhood and Society New York. 1963

⁷ Эриксон Э. Идентичность юность и кризис М., 1996

⁸ Mead G. H. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.

⁹ Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999-2002 гг.) Мастер-класс профессора В. А. Ядова. М., 2004.

¹⁰ Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago, 1986

¹¹ Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organizations of Culture Difference. Ed by F. Barth. Universitetsforlaget, Oslo, 1969. Reprint 1982.

¹² Андерсен Б. Воображаемые сообщества. М., 2001, Геллнер Э. Нации и национализм М., 1991; Малахов В. С. Национализм как политическая идеология М., 2005; Тишков В. А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9, Соколовский С. В. О неуюте автаркии, национализме и постсоветской идентичности // Этнометодология М., 1995, Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г СПб., 1998

¹³ Бенхабиб С. Притязания культуры М., 2003

подчеркивая важность нарративов в поддержании культурных границ и идентичности. Анализу конструирования этничности путем исследования практик, поддерживающих этническую маркировку и формирующих идентичность, посвящены исследования О.Бредниковой, В.М. Воронкова, О.Карпенко, Е.Чикадзе¹⁴. В русле конструктивизма и инструментализма происходит осмысление проблем современной национально-гражданской идентичности. Исследования Э. Геллнера, Б.Андерсона, Э.Хобсбаума вскрыли роль государства, политических элит и интеллектуалов в формировании национально-гражданских идентичностей, которые понимаются как осознание принадлежности и эмоциональной причастности к политическому и гражданскому сообществу, очерчиваемому рамками данного государства. В обзорных трудах В.В.Коротеевой, В.С.Малахова, М.А.Мнацаканяна, А.И.Миллера, Т.Ю.Сидориной и Т.Л.Поляникова, в статьях В.А.Тишкова и В.А.Шнирельмана¹⁵, в работах Л.М.Дробижевой¹⁶ представлены основы теоретико-методологических подходов к исследованию наций и национализма, в числе которых особый интерес представляет политическое измерение национализма, взгляд на него со стороны идеологии¹⁷. Разведение политической идентичности на основе принадлежности к государству и обществу, с одной стороны, и политизированной этнической идентичности, сформированной на основе общности культуры, – с другой, составляет основной принцип классификации национализма на гражданский и этнический. Разделение на западный (как основа гражданского) и восточный (как основа этнического) типы национализма принадлежит Х.Кону¹⁸. Л.Гринфельд выделяет индивидуалистический (либертарианский) и коллективистский (авторитарный) типы национализма, отмечая, что индивидуалистический национализм может быть только гражданским, но гражданский может быть и коллективистским; в то время как этнический национализм бывает только коллективистским¹⁹. На возможность взаимопроникновения элементов гражданского и этнического национализма указывал Э.Смит²⁰, о реальности либерального этнонационализма пишет Л.М. Дробижева²¹. К.Калхун рассматривает взаимосвязь гражданского и этнического национализмов через понятие дискурсивной формации²². Изучая механизмы эмоциональной

¹⁴ Бредникова О., Чикадзе Е. Армяне Санкт-Петербурга: карьеры этничности // Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб., 1998; Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы в российской демократической прессе 1997-1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002; Воронков В., Освальд И. Введение. Постсоветские этничности // Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб., 1998

¹⁵ Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999; Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005; Национализм и формирование наций. Теории-модели-концепции // Отв. ред. А.И. Миллер. М., 1994; Сидорина Т.Ю., Поляников Т.Л. Национализм. Теории и политическая история. М., 2006; Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007.

¹⁶ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003

¹⁷ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 10-11.

¹⁸ Kohn H. The Idea of Nationalism. N.Y., 1967. P.329-330

¹⁹ Л. Гринфельд. Пять путей к современности. М. 2008. С. 14-16

²⁰ Smith A.D. The ethnic origins of nations. Oxford, 1986. P.16

²¹ Дробижева Л.М. Возможность либерального этнонационализма // Реальность этнических мифов. М., 2000. С. 83.

²² Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 28, 240

мобилизации под эгидой национальной идеи, исследователи обращают внимание, что в идеологической националистической пропаганде важнейшее значение имеют эмоции и значимые образы²³. Л.Гринфельд использует понятие *ressentiment* для обозначения чувства досады или зависти со стороны элиты, которое составляет, согласно ее теории, эмоциональную подоплеку этнического национализма²⁴.

В исследованиях современных политических процессов, вовлекающих этническую идентичность в круг проблем политического развития России, большой вклад внесли работы А.Р. Аклаева, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижевой, В.М. Верховского, А.Н. Малинкина, Э.А. Паина, Л.С. Перепелкина, А.А. Попова, В.А. Тишкова, М.В. Саввы, Е.И. Степанова, А.А. Сусоколова, В.А. Шнирельмана. Анализ этнического самосознания, этнической идентичности и социального самочувствия русских как этнического большинства страны, представлен в работах Л.Д. Гудкова, Б.В.Дубина, З.В.Сикевич, Н.Е. Тихоновой. К проблемам соотношения государственно-гражданской и этнической идентичности, исторического компонента российской идентичности обращаются М.К. Горшков, Р.Э. Бараш, Л.Г.Бызов, А.Г. Здравомыслов, М.С.Магун, В.В. Пастухов, Н.Е.Тихонова, М.Ф.Черныш. Ценностный и символический подход к исследованию этнической идентичности осуществлен в работах Е.М. Галкиной, Т.С. Гузенковой, Л.М. Дробижевой, И.Э. Елаевой, И.М.Кузнецова, В.В. Коротеевой. Инструментальный подход к исследованию этнической идентичности и этнических отношений широко используется в работах этнических социологов и психологов: Ю.В.Арутюнян, В.С.Агеева, Г.М.Андреевой, А.Г.Асмолова, А.О. Бароньева, П.В.Валынкина, Л.М.Дробижевой, М.Н.Губогло, В.В.Гриценко, А.Д.Коростелева, Н.М.Лебедевой, Н.Р.Маликовой, Л.И.Науменко, Л.В.Остапенко, В.Н. Павленко, В.Д.Попкова, Л.Г.Почебут, Т.А.Титовой, Л.В.Сагитовой, З.В.Сикевич И.А.Снежковой, Т.Г.Стефаненко, Г.У.Солдатовой, И.А.Субботиной, А.В.Сухарева, В.П.Трусова, Ж.Т. Уталиевой, В.Ю. Хотинец, Л.А. Шайгеровой, В.Д.Шапиро, Е.И. Шлягиной. Исследование этнической идентичности в контексте постсоветских трансформаций позволило расширить представления о разнообразии форм этнической идентичности.

Характер этнических категоризаций в публичном российском пространстве и научном гуманитарном дискурсе обсуждаются в работах А.М.Верховского, В.М.Воронкова, В.С. Малахова, В.А. Шнирельмана. Для анализа роли этнической идентичности в процессах поддержания межэтнической толерантности важен анализ идей и эмпирического материала, содержащегося в работах исследователей Татарстана и Саха(Якутии): А.Д.Бравина, Д.В.Брагиной, Б.Е.Васильева, У.А.Винокуровой, В.Н. Иванова, Г.А. Исаева, Д.М. Исхакова, В.Е.Козлова, Р.А.Кузьминой, Г.И. Макаровой, Р.Н. Мусиной, Э.Т.Мяриканова, Л.Р.Низамовой, А.П.Николаева, П.Т.Петрова, Г.Р.

²³ Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. С.105

²⁴ Л. Гринфельд. Пять путей к современности. М. 2008. С. 20

Романовой, Л.В.Сагитовой, И.Г.Сафина, И.Г.Спиридоновой, Г.Р.Столяровой, Т.А.Титовой, Е.А.Ходжаевой, С.К. Шайхитдиновой. Е.А.Шумиловой, Р.Хакимова.

Теоретико-методологические основы исследования

В данном исследовании идентичность рассматривается в рамках концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана как ключевой элемент субъективной реальности, который поддерживается благодаря механизмам социального конструирования, функционирования и передачи знания как «фабрики значений»²⁵; этническая идентичность функционирует благодаря наличию в обществе этнических категорий и этнических систем классификаций, усвоенных человеком в процессе социализации. Автор разделяет положение М. Уолцера о том, что неконфликтное сосуществование в обществе людей различных национальностей возможно благодаря формированию и поддержанию взаимной толерантности²⁶, которая в полиэтническом обществе во многом определяется стратегией межкультурной интеграции и мультикультурной идеологией²⁷. Толерантность в данном исследовании понимается в своем социальном качестве как основа успешной коммуникации²⁸, взаимодействие на основе согласия²⁹, а в психологическом как отсутствие враждебности, навык психологического сопротивления непримлемым нормам и ценностям без применения насилия в отношении носителя этих норм и ценностей³⁰.

Идеи П. Бурдьё, М. Вебера, С. Московичи, П. Штомки, А. Шюца оказали существенное влияние на формирование исследовательских стратегий и методов исследования. Автор опирается на отечественную школу методологии социологического исследования (Г.С. Батыгин, И.Ф.Девятко, Г.Г.Татарова, В.А.Ядов), использует принципы построения социологического инструментария и анализа эмпирических данных, представленные в работах А.О. Крыштановского, Г.Г.Татаровой, Ю.Н.Толстой, В.А.Ядова. Исследование социальных и культурных факторов, обуславливающих межэтническое взаимодействие русских и титульных национальностей в республиках, осуществляется в рамках структурно-функционального подхода через анализ межэтнических установок, которые в этносоциологии понимаются как социальные установки человека, обусловленные опытом его включенности в этническую группу³¹. В исследовании роли этнонационального дискурса в процессах формирования и

²⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995 С. 279.

²⁶ Уолцер М. О терпимости. М. 2000

²⁷ Berry J.W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: Overviews of the 1991 survey. Canadian Journal of Behavioral Science. 1995, N27.

²⁸ Декларация принципов терпимости. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 // www.unesco.ru, Хомяков М.Б. Методология понимания термина толерантность // Социология межэтнической толерантности. М., 2003 С. 27-29

²⁹ Дробужева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М, 2003 С 305

³⁰ Newman J. Foundations of Religious Tolerance. Toronto, 1982 P 8,10.

³¹ Дробужева Л.М. Социально-психологические проблемы этничности // Этносоциология. Социология конфликтов. М., 2004.

поддержания толерантных и интолерантных форм этнической идентичности, автор опирается на конструктивистский полхол (Б. Анлерсон, Э. Геллнер, К. Герген, Э. Хобсбаум).

Концептуальную основу теоретической модели, описывающей процесс актуализации и трансформации этнической идентичности по шкале толерантность-интолерантность, составили: теория социальной идентичности Г.Тэжфела и Д.Тернера, психосоциальной идентичности Э. Эриксона, культурно-антропологическая теория этнической идентичности Ф.Барта, теоретические и концептуальные подходы к исследованию процессов межкультурного восприятия М.Беннет, Дж.Бери, Г.Триандиса, теории личности К.Роджерса и К.Хорни, концептуальные подходы к исследованию культуры Л.Г. Ионина.

Этническая идентичность рассматривается как часть социальной идентичности человека. Анализ роли этнической идентичности в процессах поддержания межкультурной толерантности и формирования гражданской идентичности осуществляется с опорой на понятие *субъективно значимой (актуализированной)* этнической идентичности. Автор полагает, что субъективная значимость этнической идентичности формируется в том случае, если в процессах категоризации участвуют *элементы знания*, которые представляют для человека личную ценность. Участие ценностей в процессах сравнения, категоризации и идентификации ведет к тому, что и этническая идентичность в целом, как психологическая категория приобретает для человека качество личной ценности, субъективной значимости. Субъективная значимость этнической идентичности и ее актуализация в работе рассматриваются как синонимы. Исследование процессов актуализации и трансформации этнической идентичности по шкале толерантность-интолерантность обусловило использование мотивационного подхода к исследованию идентичности, представленного в традиции неопрейдизма (К.Хорни, Э.Фромм, Э.Эриксон³²), гуманистической психологии (А.Маслоу, К.Роджерс³³) и обращение к понятию социальных потребностей (Г.Мюррей³⁴).

Гражданская идентичность рассматривается как национально-гражданская идентичность. В современном российском этнополитическом дискурсе под национально-гражданской идентичностью понимается осознание причастности к сообществу граждан того или иного государства³⁵. Содержательно она представляет собой общую лояльность населения государству, которая достигается через оформление отношений прав и обязательств между

³² Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза // Психоанализ и культура. М., 1995 ; Horney K. New ways in psychoanalysis. N.Y., 1939, Fromm E. The sane society. N.Y., 1955, Erikson E. The problem of ego-identity // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1956. N 4.

³³ Maslow A.H. Motivation and Personality. N.Y., 1970, Rogers C.R. Some observations on the organization of the personality // American Psychology. vol 2. 1947; Rogers C.R. The actualizing tendency in relation to "motives" and the consciousness // Nebraska symposium on motivation. Vol 2. 1963.

³⁴ Murrey H. Exploration in Personality. N.Y., 1938.

³⁵ Маликова Н.Р. Национальные интересы России и стран Евразии в контексте обеспечения региональной безопасности СНГ. <http://www.hist.msu.ru/Departaments/CIS/Conf/Malikova.htm>

властью и гражданином, эмоциональную привязанность к стране³⁶, включает в себя отождествление (идентификацию) с гражданами страны³⁷, подкрепленную политической и общественной самоорганизацией³⁸.

Анализ роли этнонационального дискурса и факторов социальной травмы в формировании и закреплении толерантных и интолерантных моделей этнической идентичности, осуществлялся с опорой на теории Р.Мертона и П.Штомки. Под дискурсом в данном исследовании понимается «использование языка» в установлении связей между структурами повседневности, функционирующими на практике как «категории восприятия или оценивания или как принципы классификации и, одновременно, как организующие принципы действия» с одной стороны, и реальной множественностью «социальных миров», с другой³⁹. Привлекаются положения концепции М.Фуко, изложенные в его работе «Археология знания»⁴⁰, и положения конструктивистской психологии К.Гергена, – подход к социальности и субъективности через анализ символов и значений, воплощенных в дискурсе, в контексте конкретной культурно-исторической реальности⁴¹. Идеология понимается в соответствии с теорией психосоциальной идентичности Э.Эриксона, как совокупность убеждений, установок и ценностей, составляющих основную среду взаимодействия индивида и общества, на основе которых происходит формирование идентичности⁴², идеологема как социальное представление (С. Московичи), которое, в силу своей когнитивно-символической природы соединяет в себе образ, социальную категорию и ценность⁴³. Социально-психологическая адаптация понимается согласно концепции Э.Эриксона как умение самостоятельно преодолевать кризисы идентичности, обусловленные социальными изменениями и культурными требованиями.

Один из ведущих теоретических тезисов концепции межэтнической напряженности Г.У. Солдатовой состоит в том, что «основой этнической нетерпимости является повышенная чувствительность к лицам других национальностей»⁴⁴ и актуализация этнической идентичности «ведет к росту межэтнической напряженности и дезинтеграции полиэтнического общества»⁴⁵. Авторское понимание сущности и последствий актуализации этнической идентичности и

³⁶ Тишков В.А. Забыть о нации Постнационалистическое понимание национализма // Вопросы философии 1998 № 9

³⁷ Дробижина Л.М., Головаха Е. Предисловие // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л. Дробижина и Е. Головахи. Киев, 2007.

³⁸ От этнической нации к политической – возможно ли это в России? Вестник Института Кеннана в России. Выпуск 13. 2008. С. 82. Выступление Э. Панина

³⁹ Бурдье П. Fieldwork in Philosophy. — Начала Socio-logos М., 1994. С. 28, 39

⁴⁰ Фуко М. Археология знания. Киев, 2006.

⁴¹ Gergen K. J. Social Psychology and the Wrong Revolution // European Journal of Social Psychology 1989, Vol. 19, № 5, Джерджен К. Дж. Движение социального конструктивизма в современной психологии // Социальная психология, саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М., 1995

⁴² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996

⁴³ Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1 №2, Жолде Д. Социальное представление. феномены, концепт и теория // Социальная психология / Под ред. С. Московичи. СПб., 2007.

⁴⁴ Солдатова Г.У. Толерантность – интолерантность: две категории лиц в межэтническом взаимодействии. //

Толерантность и согласие М., 1997. С. 189

⁴⁵ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности М., 1998. С. 49.

восприимчивости к многокультурности существенным образом отличается от данного подхода. Аналогично тому, что национализм может иметь как разрушительные, так и созидательные последствия⁴⁶, актуализированная этническая идентичность также может быть задействована как в процессах общественной дезинтеграции, так и служить ресурсом интеграции.

Научная новизна исследования:

На основании анализа теоретических подходов к изучению этнической идентичности, разработан подход, соединяющий когнитивистскую теорию социальной идентичности Тэджфела и Тернера, психосоциальной идентичности Э.Эриксона, теорию культурных границ Ф. Барта и кросс-культурные подходы к исследованию межкультурного восприятия (М Беннет, Дж.Бери, Г.Триандис), с опорой на который осуществлен анализ феномена субъективной значимости этнической идентичности и ее участие в процессах формирования национально-гражданских идентичностей. Получен вывод о том, что актуализированная этническая идентичность и сопряженная с ней солидарность, соединенные с толерантной установкой и доверием власти, участвуют в формировании национально-гражданской идентичности. Проанализированы процессы трансформации этнической идентичности по шкале толерантность–интолерантность, обусловленные характером истолкования сакрально-ценностных идеологием этнонационального дискурса, участвующих в процессах категоризирования этнически-маркированного социального пространства. Выявлена дисфункциональная (по Р.Мертону и Дж.Девево) форма этнической идентичности, которая характеризуется формированием защитных этнических аттитудов и сплавом толерантных и интолерантных межэтнических установок, поддерживаемая процессами социально-психологической дезадаптации и циркуляцией в дискурсе этнонациональных идеологием, сопряженных с эмоциями ущерба и фрустрации.

Положения, выносимые на защиту:

1. В исследуемых республиках поддерживается высокая межэтническая толерантность и взаимная социально-культурная (понимаемая в универсалистском социологическом смысле⁴⁷) адаптация русских и титульных национальностей. Даже в период активных процессов суверенизации 90-х гг. наблюдалась согласованность основных жизненных ценностей русских и титульных национальностей, схожесть иерархической структуры авто- и гетеростереотипа, догоняющие показатели в религиозности русских и формирование общего ядра гражданских ценностей – защита гражданских прав и свобод, наведение порядка и контроль за ресурсами республик. Маркерами, поддерживающими линию культурной (понимаемой в антропологическом смысле⁴⁸) границы, являются язык, традиционная культура и сфера родственных и

⁴⁶ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе М, 2000 С 53

⁴⁷ Ионин Л. Г. Социология культуры М, 1998 С 19, Парсонс Т. О структуре социального действия. М, 2000. С 462

⁴⁸ Арутюнов С. А. Культура этническая. // Свод этнографических понятий и терминов Вып 6 М., 1995 С 55, Herskovits M. Cultural Anthropology N.Y., 1955 ; Barth F Introduction // Ethnic groups and boundaries. The social Organization of culture differences. (Ed by F. Barth) Universitetforlaget, Oslo-Bergen-Tromso. (reprint 1982)

социальных связей, а также субъективная значимость этнической идентичности и категориальная этническая солидарность, которые имели больший вес в среде титульных этнических групп. Русские, в силу своего моноязычия, относительной слабости традиционной культуры (меньшей ее значимости в повседневной жизни) и большего индивидуализма, заметнее дистанцированы от культуры титульных национальностей. Граница же русской культуры для титульных национальностей, в силу их двуязычия, сохранения традиций и коллективизма, выглядит более проницаемой, что дает титульным национальностям ряд социально-психологических преимуществ деятельностного свойства.

2. Актуализированная этническая идентичность обладает мотивирующей и мобилизующей силой, т.к. сопровождается усилением этнической солидарности. Актуализация этнической идентичности русских в республиках сопряжена с российской идентичностью, поддержкой религии своего народа и возможностью говорить на своем языке. Этническая солидарность русских в республиках, кроме поддержки православия, не связывается с культурными маркерами этничности и главным образом зависит от общегосударственного политического климата: она устойчиво связана с общероссийской идентичностью, доверием центральной власти, потребностью политического представительства в органах власти республик и РФ, а также с поддержкой «вертикали власти». Этническое самосознание русских (на базе актуализированной этнической идентичности и солидарности) шире, чем в среде титульных народов опирается на политические категории и в меньшей степени связано с потребностями этнокультурного развития. Усиление русского самосознания не означает усиления этнической эксклюзивности. Об этом свидетельствует слабая поддержка русскими в республиках и областях в период 1994-2002 гг. идей русского национализма (не более 5-10%). Так как русское этническое самосознание ориентировано на государство, то именно от государственной политики и озвученной лидерами идеологии зависит ориентация русского самосознания – в сторону толерантности либо интолерантности, мультикультурных ориентаций или этнического доминирования.

3. Актуализация этнической идентичности титульных национальностей республик обусловлена потребностями этнокультурного развития (ориентация на поддержку языка, традиционной культуры и религии) и политического участия (обеспечение групповых интересов в органах власти в центре и на местах.). Она сопровождается усилением республиканской идентичности и установкой на расширение прав республики в распоряжении природными ресурсами на своей территории, а также установкой на приоритет групповых (культурных) прав над индивидуальными и личным опытом ущемления возможностей из-за национальной принадлежности. Этническая солидарность титульных национальностей наряду с этнокультурными (поддержка языка, культуры и религии) факторами и опытом ущемления возможностей из-за национальности, поддерживается потребностью в признании равных прав,

республиканской идентичностью и расчетом на власти республики в защите своих гражданских интересов.

4. Актуализация этнической идентичности не влияет на социальную дистанцию⁴⁹ в отношении людей иной национальности в масштабах гражданского, соседского и производственного общения, но сопряжена с ограничением зоны близкородственных и дружеских контактов, что означает восприимчивость к этнокультурному многообразию и к инокультурности⁵⁰, и с антропологической точки зрения может выражать собой целый комплекс психологических состояний, относительно независимых от чувств враждебности или благожелательности.

5. Интолерантность актуализированной этнической идентичности формируется и поддерживается дискурсом этнокультурных и религиозных различий, соединенным с опытом ущемления прав и возможностей из-за национальности (у титульных этнических групп), поиском мифических оснований для этнического доминирования (у русских) и состоянием социально-психологической дезадаптации.

6. Толерантная модель актуализированной этнической идентичности характеризуется позитивной чувствительностью к социальной многокультурности и внутриэтнической солидарностью, предполагает умение непротиворечиво соединять и находить баланс между групповыми (культурными, религиозными) и личностными правами. Она не противоречит формированию национально-гражданских идентичностей. При благоприятных социально-экономических условиях и равноправном доступе населения к ресурсам она может стать основой для национально-гражданской интеграции.

Методы исследования

В работе используется комплекс методов: метод массового социологического опроса, проводимого в форме формализованного интервью, метод фокусированного интервью, психологический дискурсивный анализ, наблюдение, анализ литературных источников. Этносоциологические исследования в республиках Татарстан и Саха (Якутия) осуществлялись в русле сравнительного подхода, через анализ различий и сходства в установках и оценках, полученных на выборках русских и титульных национальностей. Использовался блок вопросов опросного листа, широко применяемых в этносоциологических исследованиях⁵¹, нацеленных на

⁴⁹ Адаптированная шкала социальной дистанции Э. Богардуса

⁵⁰ Berry J W, Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: Overviews of the 1991 survey. Canadian Journal of Behavioral Science. 1995. N27, Bennet M.A. Development Approach to Training for Intercultural Sensitivity // International Journal of Intercultural Relations. 1986. V.10 N 2; Bennet M.A. Towards Ethnorelativism: a Developmental Model of Intercultural Sensitivity// Education for the intercultural experience. Yarmouth, 1994.

Herberg D. Frameworks for Cultural and Racial Diversity. Toronto. 1993

⁵¹ Проекты, «Национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов в Российской Федерации», «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности», «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации». Рук. Л.М. Дробичева. См.: Дробичева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М., 1996; Социальная и культурная дистанция: Опыт многонациональной России. М., 1998, Арутюнян Ю.В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. Программа, методика и перспективы исследования // Советская этнография. 1972. № 3.

исследование межэтнических установок, обнаружение культурных маркеров этнической идентичности, оценку межэтнических отношений и взаимодействий; использовался инструментарий, созданный группой В.А. Ядова, позволяющий оценить распространенность различных видов (этнической, гражданской) групповой «мы-идентичности»⁵² и степень ее актуализации (выбор позиции «часто ощущаю близость, единство...» с людьми данной группы/категории), метод этнических авто- и гетеростереотипов⁵³, адаптированная шкала социальной дистанции Е. Богардуса⁵⁴. Для демонстрации роли этнического фактора в социальных трансформациях 90-х гг. и процессах социальных преобразований 2000-х гг. рассматривались политические и социальные установки этнических групп, стратегии их экономического поведения в условиях свободного рынка. Индикатором субъективно значимой (актуализированной) этнической идентичности служит согласие с утверждением «я никогда не забываю о своей национальности» (или «я никогда не забываю о том, что я русский/татарин/саха (якут)). Индикатором этнической солидарности служит согласие с утверждением «современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа/национальности/национальной группы») Анализ эмпирических данных включал анализ линейных распределений и таблиц сопряженности; статистическая значимость выявленных зависимостей признаков оценивалась критерием связи χ^2 ($p \leq 0,05$).

На основе анализа материалов периодической печати (журналы «Век XX и Мир» и «Наш современник» за 1991 и 1992 гг.)⁵⁵, наблюдений процессов этнонациональной суверенизации в Татарстане в период обострения его отношений с федеральным Центром, в результате личных бесед с людьми, глубоко вовлеченными в проблемы межэтнических отношений, а также с использованием эмпирических материалов анализа русскоязычной и татароязычной прессы, представленных в работах В.К. Мальковой и Л.В. Сагитовой⁵⁶, был разработан опросник «Формы этнической идентичности»⁵⁷, представляющий набор суждений, описывающих от лица актора различные стратегии восприятия этнически-маркированного социального пространства. Для анализа концептов русской этничности, представленных в православном дискурсе 90-х гг., применялся психологический дискурс-анализ, с привлечением аналитической стратегии

⁵² Вопрос «О ком Вы бы могли сказать «Это—мы?» Как инструмент исследования социальной идентичности разработан в рамках проекта «Изучение ориентации российских граждан разного общественного положения в социальном пространстве «своих» и «чужих» групп и общностей» (1999-2002), осуществленного группой российских исследователей под руководством В.А. Ядова

⁵³ Katz D., Braly K. Racial stereotypes in one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology 1933 № 28. P.280-290

⁵⁴ Bogardus E.S. Measuring Social Distance // Journal of Applied Sociology. 1924. Vol 9, P 299-308.

⁵⁵ См.: Рыжова С.В. Этническая идентичность как личностная ценность // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994.

⁵⁶ Сагитова Л.В. Исторические корни и особенности идей национального возрождения русских и татар // Панорама культурной жизни стран СНГ, Балтии и Закавказья. Вып 8. М., 1993, Малькова В.К. Изучение формирования этнического самосознания населения российских республик через средства массовой информации // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов / Отв ред Л.М. Дробизева. М., 1994

⁵⁷ Стимульный материал готовился совместно с Г.У. Солдатовой.

полифоничности⁵⁸ и выявлением позиций субъективности (М.Фуко), сопряженных с направлением формирования русского самосознания по шкале толерантность-интолерантность.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой исследования являются результаты социологических исследований в республиках Татарстан и Саха (Якутия), выполненных в рамках международных проектов, осуществлявшихся под руководством Л.М. Дробизевой и проводившихся по сопоставимой программе. Автор участвовала в разработке теоретических подходов к исследованию этнической идентичности и инструментария, в сборе и обработке данных, написании научных отчетов и публикациях по проектам. Проекты: «Национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов в Российской Федерации» (1993-1996), «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (1997-1998), «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999-2001), «Этническая идентичность и доверие в российском обществе» (2002, рук. Д. Барри-Бартлет) В данных исследованиях использовалась территориальная, стратифицированная, вероятностная модель выборки, трехступенчатая для городского населения и двухступенчатая для сельского населения⁵⁹. Объем выборочной совокупности для каждого региона составил⁶⁰: в 1994 г. 1059 чел. в Татарстане, 918 чел. в Саха (Якутии); в 1997 г. 1121 чел. в Татарстане и 1082 чел. в Саха (Якутии); в 1999 г. 1002 чел. в Татарстане и 1048 чел. в Саха (Якутии); в 2002 г. 1252 чел. в Татарстане и 1260 в Саха (Якутии). Также используются данные социологического исследования в Саха (Якутии) 2007г.(n=1228)⁶¹, привлекаются данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ) за 2006 г.⁶² (n=10337), телефонного опроса в Москве, осуществленного в 2007 г.⁶³ (n=1126), данные Левада-Центра.

Выбор регионов исследования в 1990-х гг. был обусловлен сложностью этнополитической ситуации в Татарстане и Саха (Якутии), где в 1990-гг. имел место конституционный конфликт, сопровождавшийся различной степенью межэтнической напряженности; для сравнения привлекаются данные опроса по Туве⁶⁴, и Оренбургской области⁶⁵. Для оценки роли

⁵⁸ Филипс Л., Йоргенсон М В Дискурс-анализ Теория и метод Харьков, 2004 С. 170, 231

⁵⁹ О принципах выборки в 1994 г см. Субботина И А Краткое описание принципов выборки // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х гг М., 1994., В последующих исследованиях: Косолапов М.С. Выборка этносоциологического исследования // Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.

⁶⁰ В 1994 г. используются данные по городскому населению

⁶¹ По программе «Социальные и национальные отношения в Республике Саха (Якутия). Руководители А.Д. Бравин, Э.Я. Яковлева, Л.М. Дробизева, М.Ф. Черныш

⁶² Мониторинг проводится международным консорциумом организаций при участии Института социологии РАН с 1994 г. Руководители с российской стороны М.С. Косолапов и П.М. Козырева. Выборка в России 10337 чел., в Москве 905 чел.

⁶³ В рамках среднесрочной городской целевой программы «Москва многонациональная формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия (2005-2007 гг.)». Руководитель Л.М. Дробизева

⁶⁴ Здесь в условиях этнополитического конфликта происходили локальные столкновения русских и тувинцев(n=907) Проект «Национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов в российской

актуализированной этнической идентичности в процессах восприятия и воспроизводства этнонационалистической идеологии по методике «Формы этнической идентичности» был осуществлен опрос активистов татарского национального движения (18 чел), опрос проходил во время конференции Всетатарского Общественного Центра и в штабе партии Иттифак в Казани в 1994 г. Дискурс-анализ текстов, содержащих концепт «русской этничности»⁶⁶, был осуществлен при поддержке международного исследовательского проекта «Официальные и местные идентичности, формирующие современный мир»⁶⁷.

Достоверность сделанных выводов обеспечивается сочетанием теоретической проработки проблемы, использованием количественных и качественных методов исследования, применением апробированного инструментария. Полученные выводы согласуются с результатами исследований процессов трансформации этнической идентичности по шкале толерантность-интолерантность, характеристиках русского самосознания и факторов, поддерживающих культурные границы в республиках, сделанными другими авторами.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в разработке концептуального подхода, описывающего механизмы трансформации этнической идентичности от толерантности к интолерантности и анализе эмпирически выявленных условий участия этнической идентичности в процессах формирования национально-гражданской идентичности. Результаты работы дают материал для разработки практических рекомендаций и управленческих решений в области регулирования межнациональных отношений; могут быть использованы в учебном процессе в рамках курсов по этнической социологии, социологии культуры, этнологии.

Апробация работы

Результаты проведенных исследований были представлены в публикациях (см. список опубликованных статей по теме диссертации), а также в виде докладов, подготовленных для Первой Конференции секции этнической психологии при Российском психологическом обществе (Москва, 1997), Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» (Санкт-Петербург, 2000), международного семинара «Дискурс идентичностей» (Москва, 2002), международной конференции «Формирование межэтнической толерантности в российском обществе» (Москва, 2004), конференции

Федерации» См.: Балакина Г.Ф., Анайбан З. В. Современная Тува. социокультурные и этнические процессы. Новосибирск, 1995.

⁶⁵ Выбор Оренбургской области (n=999) обусловлен принципом сходства ее экономического потенциала с соседним Татарстаном, также здесь в условиях доминирующего русского населения проживают татары, но этничность в наименовании региона отсутствует, лишая этнические группы татар титульного статуса См Дробяжева Л.М Этнические границы и этнические различия // Социальная и культурная дистанции Опыт многонациональной России. М., 1998 С. 13

⁶⁶ Выступления и тексты священноначалия и клириков, православных журналистов, материалы газет «Радонез», «Русский вестник», «Русская газета», «Русский порядок», «НГ-религии», материалы нетрадиционной печати (листки, листовки)

⁶⁷ Руководитель российской группы М.Т Степанянц.

«Гражданская и этническая идентичность: проблемы интеграции в РФ» (Москва, 2004), украинско-российской конференции в рамках проекта «Национально-гражданские идентичности и толерантность в России и Украине: сравнительный анализ» (Киев, 2005), Международного круглого стола «Толерантность и интолерантность в СМИ: методы измерения и оценки» (Казань, 2005), Ежегодной конференции сообщества профессиональных социологов «Социология в современном российском обществе: диагноз тенденций и перспектив» (Москва, 2007), Международной конференции «Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества» (Казань, 2008).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, трех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» дается общая характеристика работы, обоснование ее актуальности и новизны, представлены степень научной разработанности, проблема исследования, цели, задачи и гипотезы, определен его объект и предмет. Сформулирован теоретико-методологический подход к исследованию, представлены методы и эмпирическая база исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы.

В Главе I «Культурные и социальные факторы формирования этнических и национально-гражданских идентичностей русских и титульных национальностей в российских республиках в постсоветский период» анализируются теоретические подходы к исследованию культурных границ, социальной и этнической идентичности, представлено исследование культурной дистанции между русскими и титульными национальностями в исследуемых республиках и факторы формирования национально-гражданской идентичности.

В § 1 «Теоретические подходы к исследованию этнической идентичности и культурных границ» Главы I анализируются теории социальной и этнической идентичности, методологические и методические вопросы, связанные с изучением этнической идентичности и культурных границ. Опираясь на работы, представляющие опыт исследования этнической идентичности в культурно-антропологической, этнологической, этносоциологической и этнопсихологической перспективе, делается вывод, что наиболее адекватными теоретическими моделями для исследования процессов актуализации этнической идентичности являются теория социальной идентичности Г.Тэджфела и Дж.Тернера, культурных границ Ф.Барта, этнической идентичности Дж.Де Воса и психосоциальной идентичности Э.Эриксона в соединении с концептуальными подходами к исследованию процессов межкультурного восприятия (М.Беннет, Дж.Бери, Г.Триандис). Согласно Дж.Де Восу и Ф.Барту, этнические границы, участвующие в формировании этнической идентичности, являются по своей сути психологическими, а не территориальными, и устанавливаются системой предписаний, идущими как изнутри группы, так и извне ее. По мнению Ф. Барта, определителем для членства

в группе являются социально-задаваемые факторы, в основе которых лежит феномен категориального приписывания, а не стабильно существующие объективные культурные различия. Этнические категории, как при самоидентификации, так и в процессе отнесения других к определенным этническим группам принимают во внимание не просто сумму объективных различий, а лишь те из них, которые самими индивидами воспринимаются как значимые. Категоризация социального пространства, в том числе на основе культурных критериев и признаков – центральное звено формирования социальной идентичности в теории Тэджфела и Тернера. В русле их концепции этническая идентичность представляет собой результат социальной категоризации и последующей идентификации с выделенной этнической группой/категорией, а также эмоционально-оценочное восприятие принадлежности к данной группе/категории. В работах Тэджфела и Тернера, эмпирических исследованиях Н.М. Лебедевой, Г.У. Солдатовой было показано, что этническая идентичность может соединяться с эмоциями и ценностями, быть позитивной либо негативной. Когнитивный компонент этнической идентичности включает в себя представления о своей (и “иной”) этнической группе, а также осознание общности языка, культуры, территории, истории, и др.

Автор полагает, что субъективная значимость этнической идентичности формируется в том случае, если в процессах категоризации участвуют элементы знания, которые представляют для человека личностную ценность. Г.Триандис определяет ценности как культурно обусловленные когнитивные категории, которые, благодаря связанным с ними ассоциативным компонентам, сопряжены с аффективным содержанием и обладают сильным мотивационным потенциалом. В социально-психологическом контексте ценности рассматриваются как регуляторы социального поведения, представляют собой одновременно элементы когнитивной и мотивационно-потребностной структуры и определяются как социальным, так и индивидуальным опытом человека⁶⁸. С понятием ценности как элемента социального знания смыкается понятие «социальных представлений», разрабатываемых во французской школе социальной психологии, родоначальником которой является С. Московичи. В силу того, что социальные представления понимаются как образы, в которых «сконденсирована совокупность значений»⁶⁹, они могут рассматриваться как социальные категории, участвующие в процессах формирования и поддержания этнической идентичности.

Идентификация – необходимый элемент построения и функционирования идентичности. На феномен идентификации как “отождествления” впервые обратил внимание З.Фрейд. Для него идентификация представляет собой процесс уподобления индивида внешнему объекту, в качестве которого может выступать другой человек, группа, явление и т.д. Идентификация

⁶⁸ ⁶⁸ Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М., 2001. С. 123.

⁶⁹ Жолде Д. Социальное представление. феномены, концепт и теория // Социальная психология /Под ред. С. Московичи М., 2007 С. 375

группы с лидером обеспечивает внутригрупповую солидарность, идентификация с явлением, вызывающим страх, участвует в процессах формирования индивидуальных защитных механизмов. Авторы неопрецидистской ориентации, такие как Э.Фромм и Э.Эриксон, ввели понятие идентичности в широкий круг вопросов социально-философского и социально-психологического характера. Для Э.Фромма обретение идентичности выступает фундаментальной потребностью человеческого развития, а для Э.Эриксона процесс становления и трансформации идентичности связывается с фундаментальными проблемами социальной адаптации личности, вплетенными в круг вопросов общественной и культурной трансформации.

Когнитивистский подход к исследованию этнической идентичности позволил перейти от анализа культурных границ и культурной отличительности как объективных феноменов к анализу культурной дистанции как параметра субъективной оценки. Автором показана значимость исследований культурной дистанции, осуществленных А.Бабицером, А. Фэрнхемом и С.Бочнером, Л.Дробижевой, Н.Лебедевой, Н.В.Паниной и Е.И.Головахой для анализа процессов формирования и поддержания этнической идентичности в условиях поликультурности. Автором отмечается, что в исследовании этнической идентичности необходимо различать социологическое понимание культуры как культуры репрезентативной (Л.Ионин), представленной социальными институтами, системой статусов, разделяемыми всеми членами общества идеями и представлениями, и культуру традиционную, уникальную (М.Херсковиц), включающую в себя способ поведения и мышления, которые поддерживаются традицией и не исчезают под унифицирующим влиянием западно-европейской модели общественного развития.

Восприятие культурного многообразия и межкультурные отношения – стержневые идеи теории аккультурации канадского кросс-культурного психолога Дж. Бери и его коллег. Занимаясь изучением плюралистических обществ, сторонники межкультурной интеграции полагают, что на основе общих, разделяемых всеми ценностей и взаимной стратегии межкультурной интеграции возможно поддержание культурного многообразия с сохранением разных этнических идентичностей членов общества. Для успешной интеграции полиэтнического общества необходимо позитивное восприятие межкультурных различий и инокультурности, а также наличие интегрирующей идентичности, разделяемой группой большинства и группами меньшинств. Межкультурная интеграция предполагает, что человек обладает «этнорелятивистским» сознанием, адаптирован к межкультурному разнообразию и принимает существование культурных различий, существующих в его обществе. Такая модель межкультурного восприятия, предложенная М. Беннет, формируется как результат социокультурной адаптации. Этнорелятивистскому типу межкультурного восприятия предшествуют и противостоят этноцентристские типы, когда межкультурные различия либо

отрицаются, либо минимизируются, или человеком принимается позиция собственного культурного превосходства. Дороти Ч. Херберг на материалах канадских исследований убедительно обосновывает тезис, что слабое осознание своих собственных культурных моделей поведения, т.е. слабая включенность в этнокультурный контекст и диффузная этническая идентичность способствует формированию стихийного этноцентризма, склонности оценивать поведение представителей других культур в системе кодов поведения и ценностей собственной культуры.

В параграфе рассматривается исследовательский потенциал понятия «категориальная» этническая идентичность. Р. Дженкинс предложил различать номинальную и действительную этническую идентичность, связывая номинальную идентичность с простой самокатегоризацией, а действительную идентичность – с идентичностью, оказывающей *влияние на жизнь* ее носителей. Д. Хандельман ввел понятие категориальной этнической идентичности, в формировании которой реальный личный контакт людей, объединенных данной категорией не обязателен. В свете этих теоретических допущений, автор полагает, что этническая идентичность, которую люди предъявляют при ответе на вопрос социологического опросника «Какова Ваша национальность?» следует рассматривать как *категориальную этническую идентичность*, которая может быть либо номинальной, предполагающей индифферентное отношение человека к своей этнической принадлежности, либо реальной, актуализированной, сопряженной с субъективной значимостью этнической принадлежности. Автор разделяет положение К. Калхуна о том, что этническая идентичность – это средство передачи культуры и основа действия, поэтому полагает, что актуализированная этническая идентичность шире, чем номинальная (не актуализированная) участвует в социальных действиях.

Опираясь на положения когнитивистской теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, в рамках которой ценности воспринимаются как элемент знания, участвующий в процессах социальной категоризации, и привлекая положения теории психосоциальной идентичности Э. Эриксона, исследовавшего кризисы личностной идентичности в связи с кризисами общественных трансформаций, автор считает, что субъективно значимая (актуализированная) этническая идентичность должна исследоваться через поиск и анализ критериев социальной категоризации, формируемых идеологией, опытом религиозных переживаний и социально-психологической дезадаптации, обуславливающих трансформацию этнической идентичности по шкале толерантность-интолерантность.

В § 2 «Актуализация этнической идентичности, культурная дистанция и поддержание межэтнической толерантности» Главы I на основе данных социологических опросов представлено исследование сложившейся в республиках культурной дистанции между русскими и титульными национальностями, процессов актуализации этнической идентичности и установок межэтнической толерантности.

На основе исследований социальных установок делается вывод о том, что русские в республиках в период 1990-х гг. находились в состоянии большей тревожности и отставали от титульных национальностей в показателях социально-психологического самочувствия и деятельности установок. При этом в исследуемых республиках сохранялась высокая социально-культурная (понимаемая универсалистском социологическом смысле⁷⁰) адаптация русских и взаимная этническая толерантность русских и титульных национальностей, сложившаяся на основе совпадения основных жизненных ценностей, схожести иерархической структуры авто- и гетеростереотипа, позитивных установок межэтнического взаимодействия, догоняющих показателей религиозности русских и формирования гражданских ценностей – таких как защита свобод и поддержка прав, наведение порядка и внимание к ресурсам страны. Культурная граница (понимаемая в антропологическом смысле⁷¹) между русскими и титульными национальностями в республиках поддерживается такими объективными и субъективными факторами, как язык, культурные традиции и сфера родственных и социальных связей, а также субъективная значимость этнической идентичности и сопряженная с ней этническая солидарность, которые имеют больший вес в среде титульных национальностей. Русский язык поддерживает наличие универсальной культурной зоны межэтнического общения в республиках, однако незнание русскими, проживающими в республиках, языка титульных национальностей, формирует одностороннюю границу между ними и титульным населением. Практически все русские в исследуемых республиках на работе, дома и в общественных местах говорят по-русски, в то время как представители титульной национальности, используют оба языка в общении, что позволяет им более полноценно осваивать навыки межкультурного взаимодействия.

Исследования 1990-х и 2000-х гг. дают основания считать, что в республиках поддерживается высокая взаимная межэтническая толерантность. Толерантность, рассматриваемая как основа успешной коммуникации и взаимодействие на основе согласия, обнаруживается в массовом распространении положительных коммуникативных установок русских и титульных групп в отношении друг друга, что проявляется в наличии друзей и соседей иной национальности, положительной оценке дружеских и соседских межэтнических контактов, согласованном представлении о недопустимости насилия в межэтнических спорах и столкновениях, в преимущественной надежде на “мудрость народа” в решении межнациональных проблем. Язык как основа коммуникации является солидаризирующим символом – за то, чтобы в республиках было два государственных языка – русский и язык титульной

⁷⁰ Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998 С 19, Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000 С 462.

⁷¹ Арутюнов С.А. Культура этническая // Свод этнографических понятий и терминов. Вып 6. М., 1995. С 55, Barth F. Introduction // Ethnic groups and boundaries The social Organization of culture differences (Ed by F Barth), Herskovits M. Cultural Anthropology. N.Y., 1955

национальности, в 2002 г. высказались 70-90,2% русских и татар Татарстана и 67,5-84,3% русских и якутов Саха (Якутии).

Весь постсоветский период развития (опросы 1994, 1997 и 2007 гг.) характеризуется плавным увеличением субъективной значимости этнической идентичности – как среди титульных этнических групп (от 50,5% в 1994г. до 61,2% в 2002г. среди татар, и от 54,5% в 1994г. до 78% в 2002г. среди саха(якутов)), так и среди русских в республиках (от 27,2% в 1994г. до 41,9% в 2002 г. среди русских Татарстана и от 21,1% в 1994г. до 32,4% в 2002г. среди русских Саха(Якутии)). Актуализированная этническая идентичность обладает мотивирующей и мобилизующей силой, т.к. сопровождается усилением этнической солидарности. Исследование обнаружило, что субъективная значимость этнической идентичности русских и титульных национальностей в республиках устойчиво связывается с этнической солидарностью и *национально-гражданской идентичностью* – республиканской для титульных национальностей и общероссийской для русских, а также с этнокультурными потребностями – у титульных национальностей это потребности в “возрождении народа”, поддержке его языка, культуры и религии, у русских – в поддержке религии и возможности говорить на своем языке. У титульных народов субъективная значимость этнической идентичности связана с потребностями политического участия (обеспечение интересов их народа в руководящих органах власти и преимущественное право в распоряжении природными ресурсами своих территорий). Исследование влияния субъективной значимости этнической идентичности на характер социальной дистанции (шкала Э. Богардуса) показало, что субъективная значимость этнической идентичности титульных групп, отражая их позицию меньшинства, связана с изоляционистскими установками в отношении смешанных браков, русских – с изоляционистскими установками в отношении дружеских связей. Автор полагает, что такое увеличение социальной дистанции не означает обязательного формирования взаимной интолерантности. Эта тенденция, прежде всего, означает восприимчивость к этнокультурному многообразию и к инокультурности, и может выражать собой целый комплекс психологических состояний, относительно независимых от чувств враждебности или благожелательности. Этническая интолерантность формируется в результате дополнительного воздействия информационных, политических, экономических факторов. Подтверждением этому служит то, что актуализация этнической идентичности обуславливается общим климатом межнациональных отношений: по данным исследования 2002 г., она существенно снижается в группах, оценивающих межнациональные отношения в республике как «благоприятные»/спокойные» и увеличивается в группах, оценивающих их как «напряженные». Активная гражданская интолерантность (поддержка позиции «плодей другой национальности необходимо ограничить в праве проживания на территории его республики» имеет крайне

невысокие показатели в республиках (4% татар и 1,5% русских Татарстана; 2% русских и 10% саха (якутов) Саха (Якутии); 1994г.).

В § 3 «**Этническая солидарность и доверие власти в процессах формирования национально-гражданских идентичностей**» Главы I на основе данных социологических опросов представлено исследование взаимосвязи процессов усиления этнической солидарности и формирования национально-гражданских (русской и республиканской) идентичностей русских и титульных национальностей.

Социальное категоризирование в культурно-смешанном социальном пространстве задает широкие когнитивные рамки для формирования этнической идентичности на основе значимых культурных маркеров. Однако не только когнитивные механизмы задействованы в формировании этнической идентичности, большое значение имеют мотивационные факторы, поддерживающие определение человека в терминах групповой принадлежности. Опросы 1994, 1999 и 2007 гг. дают основание утверждать, что актуализация этнической идентичности всех исследуемых этнических групп – русских, татар, саха (якутов) – устойчиво сопровождается ростом их этнической солидарности. Автором делается вывод о том, что нарастание субъективной значимости этнической идентичности свидетельствует о потенциале этнической консолидации группы.

Разделяя предложенное К.Калхуном понимание солидарности как социальной сплоченности на основе разделяемой коллективной идентичности, осознание индивидом себя в качестве части социальной целостности, автор отмечает, что понятие внутригрупповой солидарности и сплоченности, разработанное в рамках социальной психологии и психологии малых групп (А.И.Донцов, Р.Л.Кричевский), не может быть валидным в отношении группового членства, основанного на категориальной принадлежности. Хотя этническая идентичность поддерживается и функционирует благодаря повседневному опыту этнического категоризирования, однако категориальная этническая солидарность не возникает автоматически, как возникает внутригрупповая сплоченность в ситуации прямого (и зачастую соревновательного) взаимодействия малых групп, где все участники процесса либо знают друг друга в лицо, либо вовлечены в опосредованное взаимодействие. Чтобы родилась категориальная этническая солидарность, нужны дополнительные воздействия политического, экономического и/или идеологического характера, актуализирующие этническую идентичность, т.е. со значительным участием этнического примордиального фактора, зачастую с прямой опорой на него. У.Альтерматт справедливо отмечает, что элиты манипулируют символами этнокультурной общности, однако эти манипуляциям установлены определенные границы, выражающиеся в том, что элиты не могут уничтожить влияние прошлого.

В параграфе показано, что русские, значительно уступая титульным группам в показателях этнической солидарности в начале 1990-х гг., продемонстрировали высокие темпы ее

роста, и к концу 1990-х более половины русского населения Татарстана и Саха (Якутии) демонстрировали установку этнической солидарности. Рост этнической солидарности русских в республиках в период 1990-х гг. происходил на фоне кризиса их российской государственно-гражданской идентичности и кризиса доверия власти, который достиг своего апогея к 1999 г. Автором отмечается, что в современных обществах лояльность власти, наряду с другими субъективными политическими установками, выступает ключевым основанием для формирования гражданской идентичности. Г. Алмонд и С. Верба показали, что гражданская культура, построенная на лояльности/доверии власти и формирующейся установке «участия» в политической жизни, является основой для формирования действенной гражданской позиции.

В ситуации кризиса доверия российской власти в 90-х годах в республиках возрастает доверие к республиканской власти и усиливаются позиции республиканской идентичности русских. Выявленная в ходе исследования среди русских синхронизация кризиса доверия российской власти и кризиса российской идентичности свидетельствует о том, что в условиях болезненной политической модернизации российского общества 90-х гг. русские испытывали серьезную психологическую нагрузку, вызванную не только травматичной социально-экономической ситуацией, но и реально переживаемым кризисом политической трансформации. Отмеченный кризис идентичности и легитимности общероссийской власти явился существенным фактором ухудшения общего социального самочувствия этнического большинства. В период 1994-1997 г. чувство *неуверенности* в завтрашнем дне выросло в ответах русских Татарстана с 22,8% до 61,1%, Саха (Якутии) – с 27,8% до 63,5%. С началом 2000-х гг., отмеченным сменой политического руководства страны и началом периода стабилизации, появляется тенденция улучшения социально-психологического состояния русских в республиках, которая совпадает с тенденциями укрепления доверия российской власти и усилением российской идентичности.

В параграфе показано, что этническая солидарность русских в исследуемых республиках связывается с общероссийской идентичностью, доверием российской власти, с потребностью в равном представительстве русских и обеспечении их интересов в органах региональной власти, а также с поддержкой православия. Автором делается вывод, что субъективно значимая этническая идентичность и сопряженная с ней солидарность русских в республиках, имеет тенденцию развиваться в общероссийском государственно-политическом пространстве и непосредственно участвует в процессах формирования российской национально-гражданской идентичности.

Титульные этнические группы республик, проходя тот же кризис общероссийской идентичности и кризис доверия российской власти, нашли для себя политическую и психологическую опору в «возрождении этничности», лояльности республиканской власти,

борьбе за политический и экономический статус республики, в формировании республиканской идентичности, которая стала для них локальной *национально-гражданской* идентичностью.

С началом 2000-х гг. у титульных национальностей, так же как и у русских, усиливаются позиции общероссийской национально-гражданской идентичности. Установка этнической солидарности титульных групп, наряду с влиянием культурного, языкового и религиозного факторов, во многом формируется за счет локальной политической составляющей и поддерживается опытом ущемления прав и возможностей из-за национальности, потребностью в признании равных прав, республиканской идентичностью и расчетом на власти республики в защите своих гражданских интересов.

На основе проведенного исследования автор заключает, что категориальная этническая солидарность, «воображение своей нации» у русских шире, чем в среде титульных народов опирается на общероссийские политические категории и не подпитывается чувствами национального ущемления. Поэтому естественно допустить, что этническое большинство РФ обладает необходимым потенциалом российской межэтнической и национально-гражданской интеграции. Решающее значение в этих процессах отводится формированию толерантности этнического большинства и общегражданской российской идентичности. На материалах социологических опросов в республиках и Москве обосновывается тезис, что важнейшим фактором формирования российской общегражданской идентичности является равноправный доступ к ресурсам.

В Главе II «Этнонациональный дискурс как фактор формирования межэтнической толерантности и интолерантности» рассматривается роль этнонационального дискурса в процессах трансформации этнической идентичности по шкале толерантность-интолерантность. Для анализа механизмов трансформации этнической идентичности в интолерантность автором используется понятийный аппарат социальной психологии и психологии личности.

В § 1 «Идеологемы этнического национализма и формирование дисфункциональной формы этнической идентичности (на примере татарского национального движения 90-х гг.)» Главы II обосновывается тезис, что опыт фрустрации и ущемления прав из-за национальности, вовлеченный в процесс актуализации этнической идентичности меньшинств, является субъективной основой для формирования и воспроизводства этнонационалистической идеологии. Автор разделяет положение К. Калхуна о том, что позитивные (созидательные) и негативные (разрушительные) проявления этнической и национальной идентичности определяются общим дискурсом национализма.

Идеологами национальных движений Татарстана периода активной суверенизации 90-х гг. использовалось примордиальное понимание этничности, как *исконной* общности *коренного народа* на основе языка, культуры и истории. Государственность татар, древность культурной традиции, исторические изыскания в области этнической символики и культурного наследия

были доминирующими темами республиканской прессы и читательских писем⁷². Политическое противостояние Татарстана федеральному Центру достигло своего максимума в 1993 г. и стабилизировалось в 1994 с подписанием Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между правительством РФ и правительством РТ. Данные социологического исследования, проведенного в 1994 г., показывали, что основная часть населения республики – более половины татар и две трети русских – одобрили его⁷³. Но этнонациональные движения республики (Всетатарский Общественный Центр и более радикальная партия «Иттифак») не одобрили Договор. На примере исследования межэтнических установок активистов татарского национального движения первой половины 90-х г.⁷⁴ и опираясь на функциональный анализ (по Р. Мертону), автор рассматривает роль этнонациональных идеологов как элементов дискурса, участвующих в формировании адаптивных и дисфункциональных форм этнической идентичности. Основная задача формулировалась автором как поиск *взаимосвязи* феноменов социально-психологической адаптации и ангажированности этнонациональной идеологией. В параграфе рассматриваются теоретические подходы к исследованию дисфункций этнической идентичности (Дж.Деверо, А.Сухарев) и отмечается, что наиболее адекватной методологической базой для исследования форм трансформации этнической идентичности является подход в русле школы психологической антропологии. В коллективной работе “Ethnic Identity”⁷⁵, осуществленной под редакцией Дж. Де Воса и Л. Романусси-Росс, этническая идентичность рассматривается в контексте разнообразных социальных связей индивида и группы, через анализ субъективных переживаний, связанных с процессами этнической идентификации, который осуществляется вместе с анализом механизмов адаптивного поведения. В социологическом поле этот подход дополняет концепция К. Вердери, в которой национализм рассматривается в его символическом и функциональном значении – как политическая стратегия, манипулирующая символом “нация” с апелляцией к тем эмоциям людей, которые адекватны этому символу и побуждают людей к реагированию на него⁷⁶. В параграфе показано, что существует ряд идеологов, образующих общее смысловое поле как этнонационалистических убеждений, так и характерных для дезадаптивных психологических состояний (характерной чертой которых является ощущение собственной социальной уязвимости и эмоционально-негативная окраска переживаний) Автором установлено, что в этом поле фиксируются следующие представления: 1) превосходство людей других национальностей; 2) нередко стесняются людей своей национальности; 3) близкое соседство с другим народом часто бывает источником неприятностей; 4) свой народ более одарен и развит,

⁷² Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Казань, 1998. С 100

⁷³ «Безусловно одобряют» 34% татар и 52,2% русских, «скорее одобряют» 23% татар и 16,2% русских. Опрос 1994

⁷⁴ На основе разработанного опросника «Формы этнической идентичности».

⁷⁵ Ethnic Identity. Eds. G de Vos, L. Romanucci-Ross. Chicago, 1982

⁷⁶ Verdery K. Whither “Nation” and “Nationalism”? // Daedalus Summer 1993 P.37.

чем другие; 5) необходимо очищение собственной культуры от влияния других культур; 6) необходимо сохранение чистоты нации; 7) на собственной земле основные права и привилегии должны принадлежать коренному народу. Эти идеологемы сформированы на основе категорий, в которых преобладает не когнитивное, а эмоционально-ценностное содержание, отражающее коллективный опыт социальной фрустрации меньшинств. Привлекая для анализа концептуальный аппарат теории личности К. Роджерса, показавшего, что одно из условий сохранения психологической целостности – это соответствие мира индивидуальных значений, личного опыта и характеристик социальной среды, гибкость в процессе накопления переживаний, умение пересматривать ранее сложившуюся систему ценностей⁷⁷, автор полагает, что участие данных этнонациональных идеологов в процессах формирования и поддержания этнической идентичности порождает стагнацию процессов обретения множественной социальной идентичности, в том числе общегражданской, поддерживает и поощряет негативное восприятие социальной многокультурности. В период травматических социальных изменений (П. Штомка) этнонациональная идеология, озвучивающая чувства ущерба и агрессии, запускает механизм ригидного, негибкого переживания людьми своей этничности, порождает дисфункциональную этническую идентичность, которая характеризуется сплавом толерантных и интолерантных установок и неприятием социальной многокультурности на уровне *гражданского* (общественного) взаимодействия. Вводимое автором понятие дисфункции (по Р.Мертону и Дж.Деверо) этнической идентичности позволяет рассмотреть «переходное» состояние этнической идентичности, основным содержанием которого является «застревание» на эмоциях ущерба и формирование защитных этнических аттитюдов. Дальнейшее политическое развитие республики дает основания считать, что доминирование в политической оппозиции именно этнонациональной идеологии можно рассматривать как ситуационный этап. Уже во второй половине 1990-х гг., содержание национальной идеологии переориентировалось в сторону *гражданского* национализма.

В § 2 «Русская этничность в православном дискурсе 90-х гг.» Главы II анализируются процессы конструирования религиозным дискурсом толерантных и интолерантных форм этнической идентичности и механизмы, обуславливающие трансформацию этнической идентичности по шкале толерантность-интолерантность.

В параграфе показано, что в период 1990-х – 2000-х гг. усиление русского этнического самосознания (на базе актуализированной этнической идентичности и солидарности) происходит вместе с ростом религиозности. Автор ставит вопрос о связи этнического (этнонационального) самосознания русских как большинства страны с межэтнической толерантностью. На основе анализа этнонациональной компоненты православного дискурса, делается вывод о том, что циркуляция в дискурсе и использование в процессах социального

⁷⁷ Rogers C.R. Some observations on the organisation of the personality.// American Psychology vol 2.1947, P 358-368.

категоризирования этнически маркированного социального пространства этнонациональных идеологов, соединенных с сакрально-ценностными коннотациями, страхом и фрустрацией, является одним из факторов способствующих формированию этнической интолерантности.

В параграфе отмечается, что этническое самосознание русских, формируемое православным дискурсом, не имеет массового распространения в силу того, что доля воцерковленных среди православных невелика, однако православная идеология, описывающая русскую этничность, задействована в процессе формирования современной православной идентичности, и она имеет определенную общественно-политическую востребованность. Идеологиемы православного дискурса, высказывающегося о характере русской этничности, рассматриваются автором как *элементы знания*, участвующие в процессе формирования и поддержания этнической идентичности. Автором обосновывается тезис, что механизмом, запускающим трансформацию этнической идентичности от толерантности к интолерантности, являются процессы *истолкования* авторами текстов тех идеологов русского православного дискурса, которые перегружены имплицитным (неочевидным) содержанием, складывающимся из ассоциативных, эмотивных и коннотативных компонентов значения⁷⁸, для прочтения которых нужны дополнительные усилия и дополнительные знания, укорененные в священных текстах и преданиях. Стратегии интерпретаций этих идеологов, их культурное и политическое использование в состоянии придать как толерантный, так и интолерантный вектор новому русскому самосознанию – в зависимости от намерений толкователя. В конце 90-х гг. прошлого века такими идеологами с избыточным ассоциативным и эмоционально-оценочным содержанием были: характер иудео-христианских отношений и связанный с ним вопрос о гибели Николая II (“ритуальном убийстве” и канонизации царской семьи), а также проблема соотношения групповых (религиозных, “народных”) и индивидуально-личностных прав. Привлекая понятийный и аналитический аппарат психологии (Т.Адорно, Э.Берн, В.В.Бойко, А.Маслоу, К.Хорни) и опираясь на конструктивистский подход к анализу социальной идентичности (К. Герген, М. Ветерелл, Дж. Поттер), автор анализирует характер толкования этих идеологов как социальных когнитивно-символических представлений (С.Московичи), с участием которых происходит формирование новой русской идентичности, опосредованной православной традицией. Взяв за основу анализа понимание толерантности как отсутствие враждебности, миролюбие, навык психологического сопротивления неприемлемым нормам и ценностям без применения насилия в отношении их носителя (Дж. Ньюман), автор выделяет православном дискурсе 90-х гг. толерантную, радикальную, дисфункциональную и экстремистскую «позиции субъективности» (М.Фуко), которым соответствуют формирующиеся модели русского этнического самосознания. *Толерантным* полем

⁷⁸ Брагина Н.Г. Имплицитная информация и стереотипы дискурса //Имплицитность в языке и речи М., 1996 , Борисова Е.Г. Имплицитная информация в лексике // Там же С. 31, 35.

православного дискурса постулируется необходимость выработки модели, которая предполагала бы нахождение баланса между правами личности и правами народов, звучит призыв к признанию *равнозначности* гуманистической (антропоцентрической) и теоцентрической картин мира, согласование которых должно помочь преодолеть острейшие противоречия современного мира. В вопросах восприятия иудео-христианских взаимоотношений толерантный вектор русского самосознания был обозначен Патриархом в его знаменитом выступлении перед раввинами в Нью-Йорке в конце 1991, в котором он осудил антисемитизм, сказав, что полнота христианства и иудаизма не исключает, а предполагает оба этих учения⁷⁹. В этой речи была озвучена потребность, исходящая от толерантного поля православного дискурса в символической трансформации иудео-христианских отношений, в переводе их из сферы профанно-бытовой неприязни в отношения историко-мистической преемственности. *Радикальное* поле толкований русской этничности на основе разоблачительного и уличительного пафоса, содержит элементы враждебности, вырастающие из религиозного максимализма, однако оно не содержит прямых призывов к насильственному преобразованию социальной действительности, несущих угрозу базовым потребностям личности. Эта субъективность признает приоритет групповых прав над личностными, необходимость создания православной государственной идеологии, смещением в интерпретациях религиозных и этнических категорий. *Дисфункциональная субъективность* конституирует и транслирует систему защит русского православного самосознания; в формулировании тезисов, описывающих русскую этничность, преобладает мифическая аргументация запугивающего характера, продуцирующая страх, агрессию и глубокую фрустрацию. Пафос этой субъективности – в стремлении разоблачить врагов церкви и народа, защитить русских от духовной и физической гибели. Характерно сочетание самоидеализации православного учения и русских (“Москва–Третий Рим”, “русские–народ-богоносец”) и самобичевания (церковь обвиняется в гражданском бездействии). Болезненное напряжение, происходящее из-за несоответствия нынешней России ее *идеалу*, рождает враждебность в восприятии и оценках, а также экзистенциальный страх перед лицом “врага”, стремящегося уничтожить страну. Характеризуется крайней юдофобией, отторжением понятия “права человека” и идеологией “заговора”. *Экстремистское поле* православной субъективности, толкующее характер русской этничности, содержит призывы к социальной деятельности, нацеленной на насильственное изменение существующей общественно-политической реальности с прямой угрозой базовым потребностям человека, несет заряд межэтнической и межконфессиональной враждебности и представляет собой семантическое пространство этнической и конфессиональной нетерпимости. Экстремистская субъективность грубо

⁷⁹ См. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Ваши пророки – наши пророки – Московские новости 26 января 1992 г

озвучивает потребность в социальной практике, его носители объединены стремлением к политической и общественной самоорганизации. Экстремистской субъективностью православного дискурса отрицается возможность гражданского согласия по причине непреодолимых религиозных (православно-иудейских) и обусловленных ими социальных противоречий, в качестве политических целей декларируется необходимость наказания виновников “геноцида русского народа”, принятие “Закона о русофобии” и замена римского права “русским”.

Помимо этнонациональной составляющей православного дискурса, в параграфе рассматривается гражданская его компонента. Автором показано, в вопросах, связанных с русским этническим самосознанием, наглядно проявляется также и гражданский потенциал православной идентичности, соединенный с толерантностью, умением непротиворечиво существовать в плюралистической системе мировоззрений и стремлением осуществлять духовную миссию через социальное/общественное служение, а не с помощью государственного влияния. Согласно Основам социальной концепции РПЦ, свобода личности и ее права прямо вытекают из христианской антропологии («Бог хранит свободу человека, никогда не насилуя ее волю»), однако нормальное, т.е. толерантное, умение воспользоваться этим даром возникает только в условиях добровольного нравственного самоограничения, т.к. согласно православному миропониманию, идея прав человека неразрывно связана с идеей служения⁸⁰. Православное понимание гражданственности соединенное с миролюбием, долгом и ответственностью, нацелено на формирование толерантности к многокультурности и поликонфессиональности российского общества на основе веры и воспитания “гражданских добродетелей”⁸¹.

В Заключение подводятся основные итоги исследования.

Идеология гражданственности в условиях России не должна нивелировать или игнорировать этнокультурные различия. Ее задача – признание вариативности этнокультурных различий и дальнейшая межэтническая интеграция на базе единой национально-гражданской идентичности как поля взаимной толерантности и общей солидарности. Практики формирования интегрирующей национально-гражданской идентичности с учетом этнической, наравне с равноправным доступом к ресурсам и соблюдением баланса групповых (этнокультурных, религиозных) и индивидуально-личностных прав, должны включать обеспечение доверия населения к центральной (и республиканской) власти и признание политических притязаний республик, обеспечивающих формирование и поддержание позитивной этнической идентичности российских народов.

⁸⁰ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви <http://www.russian-orthodox-church.org.ru/>

⁸¹ Высокопреосвященнейший Мефодий, митрополит Воронежский и Липецкий. Роль православной Церкви в формировании гражданского самосознания на современном историческом этапе Российской государственности (http://vob.ru/mirror/2001/ch_gos2.htm)

В Приложениях приведен перечень вопросов социологической анкеты, представлены таблицы, использованные автором для анализа темы диссертации, приведен текст опросника «Формы этнической идентичности» и список текстов, использовавшихся в качестве источника для анализа концепта русской этничности в православном дискурсе.

Основные положения и результаты работы представлены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобразования и науки РФ:

1. Рыжова С В Идентичность москвичей (опыт исследования) // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 40-49 (0,7 п.л.).

В других изданиях

2. Рыжова С.В Опыт изучения этнической идентичности в системе ценностных ориентаций (постановка проблемы) // Российской этнограф. 1993. № 3. С. 21-35 (0,8 п.л.)
3. Рыжова С В Этническая идентичность как личностная ценность (по материалам этносоциологического исследования среди русских Москвы) // Ценности и символы этнического самосознания в условиях изменяющегося общества / Отв. ред. Л.М. Дробизева, Т.С. Гузенкова. М., ИЭ РАН, 1994. С. 106-119. (0,8 п.л.).
4. Ryzhova S Inter-group ethnic solidarity in conditions of constitutional conflict: Russians in Sakha (Yakutia), Tatarstan, and Tuva.//Nationalism, Ethnic identity and conflict management in Russia today. Stanford.1995.С. 24-36. (0,6 п.л.)
5. Ryzhova S Ethnic identity in the system of value orientations.//International Journal of Psychology.Abstacts of the XXVI International Congress of Psychology.August.1996. (0,2 п.л.)
6. Рыжова С.В. Установки этнического самосознания русских (по материалам эмпирического исследования в Москве и Тверской области)//Конфликтная этничность и этнические конфликты/Отв. ред. Л.М. Дробизева). М., ИЭ РАН, 1994. С. 110-125. (0,9 п.л.)
7. Рыжова С В Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации (по материалам эмпирического исследования) //Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика/Отв.ред. Л.М. Дробизева, Т.С. Гузенкова) М., ИЭ РАН,1995. С. 267-281. (1 п.л.)
8. Рыжова С.В Психологическая составляющая этнонационализма (опыт эмпирического исследования)//Этническая психология и общество. Материалы I-ой конференции секции этнической психологии при Российском Психологическом обществе. М., «Старый сад», 1997. С.173-181. (0,5 п.л.)
9. Рыжова С В Личностные аспекты национализма: от этнонегативизма к гиперэтничности //Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред.М.Б. Олкотт, В. Тишкова и А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги М., 1997. С. 327-345. (1,2 п.л.)
10. Рыжова С В.Поиски научных дисциплин в понимании этнических границ//Социальная и культурная дистанции: опыт многонациональной России.М.,ИС РАН.1998.С.17-28(0,6 п.л.)

11. Рыжова С.В. Этническая граница глазами русских в республиках и областях Российской Федерации //Социальная и культурная дистанции: опыт многонациональной России". М., ИС РАН, 1998. С.290-307. (1 п.л.)
12. Рыжова С.В. Восприятие социального неравенства и стратегии экономической мотивации этнических групп //Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность/ Отв.ред. Л.М. Дробижева. М., Academia, 2002. С. 191-243 (3,5 п.л.)
13. Рыжова С.В. Социальные аспекты межкультурного восприятия //Социология меж-этнической толерантности/Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., ИС РАН, 2003.С.150-191.(2,5 п.л.)
14. Рыжова С.В., Пешкова В.М. Язык межкультурного восприятия в СМИ //Социология меж-этнической толерантности /Отв. ред. Л.М.Дробижева. М., ИС РАН,2003.С.192-214.(1,5 п.л.)
15. Рыжова С.В. Русское самосознание и этничность в православном дискурсе 90-х гг. // Религиозность и идентичность/Отв. ред. М.Т. Степанянц. М., «Восточная литература», 2003. С.20-48. (1,2 п.л.)
16. Рыжова С.В. Русское самосознание и православная идентичность' между миролюбием и экстремизмом // Россия реформирующаяся. М, 2004. С.318-344 (1,7 п.л.)
17. Рыжова С.В. Формирование толерантных установок по отношению к мигрантам в Москве // Этническая толерантность в молодежной среде /Отв. ред.Д.В. Даен. М., Экшэп, 2005. С.44-48 (0,5 п.л.)
18. Ryzhova S. Tolerance and Extremism: Russian Ethnicity in Orthodox Discourse of the 1990s // Religion and Identity in Modern Russia. The Revival of Orthodoxy and Islam./ Ed.by J.Jonson, M.Stepaniants, B.Forest. Dartmoth College, USA. 2005. P. 65-90 (1,2 п.л.)
19. Рыжова С.В. О соотношении православной идентичности и гражданского сознания // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России /Отв.ред В.С.Магун. М., ИС РАН, 2006. С.141-168. (1,7 п.л.)

Подписано в печать 19.11.2008 г
Зак.117 тир. 100 экз. Объем 1,5 пл
Москва, Нахимовский проспект, 32